

книжным издательствам, как грибы после дождя возникшим в последние годы на руинах Госиздата, недавно добавилось еще одно частное издательство — «Братья Вайнеры — детектив». Его первой акцией станет издание семи томов наиболее крутых детективов самих братьев-издателей. В перспективе — выпуск многотомной «золотой серии детектива», куда, по словам Аркадия Вайнера, с которым мы беседуем, войдут самые известные зарубежные произведения этого жанра, пока еще не переводившиеся в нашей стране.

— Аркадий Александрович, а не слишком ли много этого легкомысленного чтива со стрельбой, убийствами, погонями? Вы только посмотрите: все лотки и киоски пестрят суперобложками зарубежных детективов.

— «Нужна ли нам подобная литература?» Или, как мой сосед Николай Озеров еще не так давно вопрошал: «Нужен ли нам такой хоккей?» (имея в виду профессиональный, канадский). Вопрос ваш прямо-таки коммунистического толка.

— Не думаю. Вопрос нормального человека.

— Давайте исходить из того, что на свете существует миллион вещей и происходит миллиард событий совершенно независимо от нашего мнения о том, нужны ли они нам с вами. Если они существуют, происходят, значит, для этого есть объективные условия. Значит, кому-то нужны эти книги, эти события. Значит, кому-то нужны и тысячи этих коммерческих палаток, которые меня лично сильно раздражают.

Но кого на самом деле мы видим на книжных прилавках? Чейза, Стаута, Сименона, Чандлера, Кристи, еще два-три имени. И все. И никакого «мутного потока», грозящего заморочить голову нашим читателям.

А вот порнография, нагло, торжествующе шествующая под крышей эротики, — это да! А зако-

нующую над людьми, властвующую над их свободами, душами... Понимают и не допускают этого.

Нас же и сегодня не покидают опасения. Никто не может всерьез утверждать, что мы дожили до времен, когда милиция, ОМОН, МБ есть, а политического сыска — нет.

Пока мы не добьемся истинно демократических отношений между законом, нашими властями и всеми государственными структурами, до тех пор спокойно жить нельзя. Пока любой журналист не будет иметь возможности описать в своем материале квартиру и дачу какого-нибудь очень крупного начальника, рассказать о его зарплате, побочных доходах, до тех пор у нас настоящая демократия не состоится.

В этом смысле у меня свежие впечатления от поездки в США. Недавно на слушаниях в сенатской комиссии по обсуждению кандидата на пост министра юстиции (они транслировались по ТВ на все штаты) выяснилось, что претендентка на высокий пост в недалеком прошлом наняла для домашних услуг нелегально живущего в США мексиканца и его жену и платила им в связи с этим мизерную зарплату. Разразился всеамериканский скандал! Во-первых, будущий министр нарушил эмиграционное законодательство, во-вторых, использовал в корыстных целях правовую незащи-

ненности к свободе, к нормальному общественному поведению и взаимоотношениям людей. Естественно, что происходят миллионы переко-сов, ошибок, недоразумений, драм, несчастий, трагедий. С этим пока ничего невозможно поделаться. Да, мы будем (с трибун, у микрофонов, с экранов ТВ, отовсюду), вздымая руки, кричать: «Граждане, опомнитесь!» Но пока эта стихия не войдет в естественное русло, будем иметь то, что имеем. Кстати, благополучная Америка тоже пережила в тридцатых годах чудовищный бандитский разгул, гангстеризм. Это совпало у них с громадным экономическим кризисом, который и у нас сегодня тоже есть. И совершенно ясно, что экономические и социальные катаклизмы переплетаются с криминальными всплесками.

— Наш сегодняшний рынок чаще сравнивают с НЭПом...

— Если тех нэпманов сравнить с сегодняшними, то постарше они — просто ангелы по сравнению с нынешними бандитами, уголовниками. Да, есть несколько процентов порядочных, предпринимчивых и умных людей. Но — несколько процентов. Остальные — это же уголовщина, пена. Они наживают огромные деньги, ничего не производя.

А поскольку, по всем известным законам фи-

Аркадий
ВАЙНЕР:

“ЭРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Неделя. — 1993. — март (и 12). — с. 2.

ЕЩЕ ДАЛЬШЕ, ЧЕМ БЫЛО...

нодательство молчит по этому поводу. Милиция тоже не тревожится.

Поверьте, я отнюдь не ханжа, но убежден, что порнография — очень опасное оружие разложения неокрепшего разума, неокрепшей нравственности. И когда издания с предложением определенного рода уголовно наказуемых своднических услуг продают 11–13-летние мальчики и девочки, это сокрушает мою душу.

Я понимаю: всегда найдутся желающие в ряд с порнографией и эротикой поставить детектив как пропаганду насилия и жестокости. Да только детектив сроду таким не был.

— Помните, герои вашей знаменитой «Эры милосердия» были твердо убеждены в том, что лет эдак через 20–30 преступности в стране не будет: ее победят мораль нашего общества, его милосердие и гуманизм. В более позднем романе «Петля и камень в зеленой траве» вы непримиримо обличали нравы КГБ, политического сыска... Прошли годы, нет КГБ (в том смысле, который вы вкладывали в эти три буквы), но нет и эры милосердия. Больше того, многие сейчас очень спокойно относятся к воровству. О явном негодяе, жулике-бизнесмене или взяточнике — высокопоставленном чиновнике говорят: пусть ворует, зато его дети будут совсем другими, вполне приличными, законопослушными. Так ли это?

— Хочу процитировать судью из когда-то очень популярного индийского фильма «Бродяга»: «Сын судьи — будет судьей, сын вора — будет вором!»

В «Эре милосердия» действие происходит, если вы помните, осенью 1945 года. А писали мы ее в 80-е годы, много позже того срока, который Шарапов наметил в книге. И совершенно сознательно оставили в тексте все эти временные прогнозы, показав наивность и беспочвенность его мечты. И 20 лет, и 40 лет прошло, а да эры милосердия еще дальше, чем было...

Теперь: кто вам сказал, что нет КГБ? Есть, хоть и по-другому называется. Однако важнее, что работают там другие люди. По крайней мере, мы на это надеемся. Важно и то — хоть и не слишком утешительно, — что функции этого ведомства во многом традиционны. Оно существует, чтобы охранять безопасность государства, охранять правительство, депутатов. И — себя.

— Но политического сыска и слежки нет?

— Кто его знает, организация — то секретная. Сама специфика работы этого министерства подразумевает, что под этой крышей могут завестись любые мысли. Тем более что МБ не подвержено, по существу, никакому общественному, и депутатскому в том числе, контролю.

ЦРУ или ФБР, как на рентгене, «просвечивают» газеты, журналы, телевидение. Конечно, у них есть секреты — какие-то практические, оперативные разработки. Но их «контролеры» понимают, что, к чему и каким способом можно выделить секретную организацию в структуру, стоя-

Спор Шарапова
и Жеглова все еще
не закончен

ценность «нелегалов». Она сама созналась во всем, разрыдалась.

Ну, а наши «вожди», когда они в чем-то сами сознавались или признавались?

Да, мы слышали, что существует депутатская комиссия, контролирующая работу органов безопасности. Слышали — но не видели! По-прежнему с воем несутся эти страшные черные машины, по-прежнему по улицам катят кортежи, как при Сталине, Брежнев... По-прежнему натываемся на огромные заборы с бетонной основой, железные ворота с охраной. За ними живут наши вожди. А мы ходим по ухабистым, плохо освещенным, грязным улицам, подвергаясь нападениям разнузданных уголовников.

— Как же мы до этого дошли?

— А в результате того, что получили свободу. Такой вот парадокс, имеющий реальные объяснения.

Свобода — могучий маятник. На определенном участке своего пути он может перейти границы того, о чем молчаливо договариваются между собой нормальные порядочные люди, — нельзя без причины плюнуть человеку в лицо, дель в глаз, отнять шляпу... И вот когда маятник свободы, разогнавшись, летит через верхнюю точку, начинается произвол как «продолжение свободы». Вот тут любой преступник в свое оправдание может сказать: у нас свобода!

Такая свобода не нужна порядочным людям и обществу. Не нужна стране. Нам нужна свобода порядочных людей, а не вседозволенность и беспредел.

Сейчас маятник этот зашкалило, что вполне закономерно. Ведь речь идет о сотнях миллионов

зиков, из ничего ничего не бывает, эти богатства без всякого милосердия отнимаются у нищающего с каждым днем народа. Так что нынешняя ситуация имеет с НЭПом лишь отдаленное внешнее сходство, не больше.

Шарапов, говоря о близости эры милосердия, полномочий ни от кого не имел, он высказывал свое личное мнение, которое, впрочем, тогда было очень типично. Хрущев, много позже, утверждая, что мы будем жить при коммунизме, высказывал, в общем-то, такое же личное мнение. От Шарапова в этом смысле он в своем волонтеризме ничем не отличался...

Все же, как бы там ни было, эра милосердия наступит, я в это свято верю. Как и в то, что человеческое общество обладает чудесным свойством саморегулирования. Благодаря ему оно живет и развивается, а не вывелось напроцех много веков назад. Эра милосердия наступит еще и потому, что как бы ни умудрялись политики все запутать, нормальный, простой человек поймет, что хорошо жить лучше, чем жить плохо.

— Когда-то давно вы работали в следственном управлении на Петровке, 38. Можно ли сравнить преступность того времени и нынешнего?

— Люди тогда были более дисциплинированными, потому что боялись государства, которое карало не только за нарушения закона, но и без всяких поводов. Сейчас, когда кругом разброд, многие тоскуют по сильной руке. А что такое сильная рука? Это рука, которая может дать по башке. Любому. Не скрою, и я считаю, что порядок надо наводить решительнее. Хотя понимаю, что это не ключевая точка проблемы преступности. «Голова» ее — в другом: в экономике, в политическом устройстве, в правильном развитии демократии. Если это будет, то и остальное тоже.

— Вы сами попадали в какие-то криминальные ситуации?

— Последний раз буквально на днях. Заплатил в коммерческом киоске за две пачки хороших сигарет. Мне дали одну и нагло заявили, что у меня что-то с памятью. Глупая ситуация, правда? И я, юрист, лихорадочно перебрал в голове все законные способы доказательства своей правоты. Пришлось пригрозить милицией, а заодно и перспективой посмотереть, как у них со всеми документами на товары. Это помогло, мне отдали вторую пачку. Конечно же, испытываешь ужасное унижение, попав во власть этих вот палаточников... Но никакая не денешья. Сегодня. Пока.

Беседовал Виктор ВОДОЛАЗСКИЙ.

Кадр из фильма «Место встречи изменить нельзя», снятого по роману братьев Вайнеров «Эра милосердия».